

Р. Г. Кузеев. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. 262 с.

Историческое прошлое одного из крупных тюркоязычных народов СССР — башкир вызывает неизменный интерес исследователей. Дореволюционными и советскими учеными (историками, этнографами, археологами, лингвистами и др.) создана обширная литература по их истории. Однако исследований по древней и средневековой истории края и его коренных жителей — башкир крайне мало. Многие кардинальные научные проблемы древней и средневековой Башкирии (общественный строй, социально-экономические отношения, хозяйство, культура и пр.) еще не изучены. Нуждается в дальнейшей научной разработке с привлечением новых источников и история башкирского общества XVII—XVIII вв.

Исследователи, обращающиеся к древней и средневековой истории башкир, неизбежно сталкиваются с проблемой источников. Дело в том, что подлинных башкирских исторических документов чрезвычайно мало, а выявленные датируются в основном концом XVII—XVIII в.

Ценные сведения о башкирах содержатся в сообщениях западных и восточных средневековых хронистов, историков и путешественников. Однако памятники эти еще не собраны, не сведены воедино и не подвергнуты сопоставительному анализу.

Пока невозможно создать стройную концепцию развития башкирского общества в древнюю и средневековую эпохи и по археологическим материалам. Среди изученных памятников Башкирии и Южного Урала трудно выделить археологическую культуру, носителей которой можно было бы достоверно рассматривать как прямых предков башкир.

Все это затрудняет научное исследование ранней истории башкир (и не только их), находящейся за пределами письменных источников. Поэтому вполне объяснимо обращение советских ученых к исторической этнографии.

В последние два-три десятилетия историческая этнография как научное направление достигла больших результатов в разработке истории бесписьменных и младописьменных (до Великой Октябрьской социалистической революции) народов. Появились фундаментальные исследования по проблемам хозяйства, истории культуры, этногенеза и этнической истории башкир, каракалпак, тувинцев, киргизов и других скотоводов-номадов евразийских степей, ставшие значительным вкладом в отечественную и мировую историографию.

Научные исследования в области исторической этнографии башкир связаны с именем Р. Г. Кузеева. Его перу принадлежит ряд крупных работ, посвященных изучению родо-племенной организации, этногенеза и этнической истории башкирского народа, проблем истории хозяйства, культуры, этнодемографии и т. п. При исследовании исторических явлений Р. Г. Кузеев привлекает многообразные источники. Об этом еще раз свидетельствует рецензируемая книга.

Книга состоит из работ, написанных в разные годы. Однако ей присуще монографическое единство, ибо, как отмечает автор, все эти работы «преследовали одну цель — с различных сторон подойти к изучению тысячелетней этнической истории башкирского народа» (см. 4).

Несомненный интерес представляет первая глава книги — «Роль исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкирского народа» (с. 6—32). В ней раскрывается предметная область исторической этнографии, рассматриваются методы, применяемые при разработке ранней истории бывших кочевников, четко очерчивается круг проблем, в решение которых историческая этнография может внести наибольший вклад.

Особое внимание автор уделит научному анализу источников (восточных, западных, русских — нарративных, этнографических, археологических и др.), которые могут иметь первостепенное значение при исследовании многих аспектов древней и средневековой истории Башкирии и башкир.

Следует поддержать призыв Р. Г. Кузеева собирать и публиковать шежере (генеалогические записи) различных тюркских народов СССР. Это открыло бы новые возможности для изучения ряда важных проблем средневековой истории тюркских племен и народов обширного Евразийского континента.

Во второй главе на широком историческом фоне, в тесной связи с основными направлениями политической и этнической истории народа рассматривается развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (с. 34—112). Это первая в советской исторической науке попытка обобщенно охарактеризовать эволюцию башкирского хозяйства на протяжении целого тысячелетия. Ряд важных соображений высказывает автор по проблеме перехода народов от кочевого скотоводства к оседлому земледелию. Смена типов хозяйства, пишет он, никогда не ограничивается только сферой хозяйственной деятельности человека; она вызывает крупные изменения в развитии производительных сил в целом и соответственно серьезные сдвиги в социальной структуре общества, в общественных отношениях и культуре.

Представляется актуальной глава, касающаяся генезиса традиционных занятий башкир, структуры их хозяйства в эпоху раннего средневековья. В ряде случаев Р. Г. Кузеев пересматривает существующие концепции и предлагает оригинальные решения. Так, например, вопреки общепринятому мнению он приходит к выводу о сохранении кочевых традиций в районах, где земледелие и оседлость утвердились довольно прочно.

Важной предпосылкой и основой для изучения процесса классообразования, углубления социального неравенства, характера классовых отношений в башкирском обществе в X—XIX вв., безусловно, является разработка истории родо-племенной организации (племени, рода, патронимии) башкир. Этой сложной проблеме посвящена третья глава книги (с. 114—127). На основе сравнительно-исторического анализа автор приходит к выводу, что родо-племенная организация башкир характеризовалась многоступенчатостью, подвижностью звеньев (особенно низших) и способностью к сегментации. Важное значение при этом имели три звена: племя, род, родовое подразделение. Границы их определяются совокупностью признаков, среди которых ведущим является их роль в общественной жизни, землевладении, землепользовании.

Научное значение выводов Р. Г. Кузеева о специфике структуры родо-племенной организации башкир выходит за пределы истории башкир. Они используются во многих исследованиях по общественному строю бывших кочевых и полукочевых народов нашей страны

В главе «Этническая история башкирского народа» (с. 130—181) в сжатом виде воспроизводятся материалы и выводы, изложенные в известной монографии автора², получившей высокую оценку в научной печати³. Чрезвычайно ценной в данной главе представляется разработка основных этапов формирования башкирской народности с древнейших времен до XVI в. на основе комплексного использования различных видов источников. Приложенные карты помогают зримо представить родо-племенной состав и историю расселения башкир в X—XIX вв.

К главе, посвященной этнической истории башкирского народа, тематически при-мыкает глава «Стратификация родо-племенной этнонимии башкир» (с. 184—198). В ней подводятся итоги многолетних изысканий автора. На основе всестороннего научного анализа обширного этнонимического материала (46 племенных, 128 родовых и около 2000 названий родовых подразделений) автор выделяет семь историко-стратиграфических пластов в родо-племенной этнонимии башкир.

В этническом субстрате башкир четко прослеживаются самодийские и угорские компоненты, финские же — значительно слабее. Данные этнонимии свидетельствуют об участии в башкирском этногенезе болгаро-мадьярского компонента и вместе с тем о решающей роли в нем тюркской миграции в VIII—IX и XIII—XIV вв. Язык и традиционная культура башкир, по мнению автора, в основном сформировались в период кыпчакских миграций XIII—XIV вв.

Заключительная глава книги посвящена вопросам исторической демографии башкирского народа (с. 200—261).

В исторической литературе нет специальных работ, исследующих динамику численности башкирского населения в эпоху феодализма и капитализма. Это накладывает определенный отпечаток на оценку тех или иных событий, явлений исторического прошлого народа, края, продолжает питать в известной степени абсурдную идею о «вымирании» кочевников. Поэтому актуальность разрабатываемой автором проблемы неоспорима.

На обширном историко-этнографическом и статистическом материалах Р. Г. Кузеев показывает, что в XVI—XVIII вв. численность башкир, несмотря на их активное взаимодействие с тюркским кочевым и полукочевым степным миром, мало изменялась, существенный рост населения приходится на XIX в., когда завершился сложный процесс ассимиляции. В начале текущего столетия отмечалось резкое сокращение башкирского населения, а устойчивый рост его определился лишь в годы Советской власти.

Р. Г. Кузеев пишет, что тезис о вымирании башкир в XVIII — начале XX в. не подтверждается. Башкирский народ обнаружил высокую жизнеспособность, которая особенно заметно проявилась в его активном участии в восстаниях против царизма, в Октябрьской революции, гражданской войне, в борьбе за установление Советской власти в крае.

В главе обстоятельно рассматривается сословное значение этнонима «башкир». Представляются актуальными также изыскания автора в области так называемых «демографических переливов» татар (особенно тептярей) из татарской среды в башкирскую и наоборот.

¹ См.: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 62, 63, 195; *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 21, 27, 214; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, с. 29, 78, 128, 134, 135.

² *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.

³ См. рецензии на эту работу: *Гарипов Т., Кляшторный С.* — Сов. тюркология, 1976, № 4, с. 112, 113; *Кармышева Б. А.* — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 162—164; *Потанов Л. П.* — Вопросы истории, 1977, № 1, с. 153—156.

В столь многоплановом исследовании, как рецензируемое, естественно отдельные пробелы и упущения. Назовем только одно из них, которое представляется наиболее существенным.

В главе «Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.» (с. 34—112) дано хозяйственное районирование территории Башкирии в различные исторические эпохи. На наш взгляд, оно нуждается в определенной корректировке с учетом новейших достижений исторической науки⁴.

На протяжении ряда лет Р. Г. Кузеев ведет большую работу по сбору и систематизации родо-племенной этнонимии башкир. Им составлены корреляционные этнонимические таблицы по ряду тюркских народов. Жаль, что эти таблицы не опубликованы в рецензируемой книге.

В целом книга Р. Г. Кузеева написана на высоком научно-теоретическом уровне. Она подводит читателя к пониманию особенностей исторического пути развития ряда народов Поволжско-Уральского региона, дает аргументированный ответ на многие дискуссионные вопросы истории Башкирии и башкир.

М. В. Мурзабулатов

⁴ См.: *Янгузин Р. З.* Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.— Археология и этнография Башкирии. Т. V. Уфа, 1973, с. 139—148; *Бикбулатов Н. В., Мурзабулатов М. В.* Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в.— Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 97—117.

В. Ф. М и л о в и д о в. Современное старообрядчество. М.: Мысль, 1979, 126 с.

Старообрядчество издавна привлекало к себе внимание исследователей. История старообрядчества — неотъемлемая часть истории России. Религиозная реформа патриарха Никона (вторая половина XVII в.) и последовавший за ней раскол русской православной церкви привели к появлению значительных по численности обособленных от остального русского населения групп, объединенных стремлением противостоять новшествам, сохранить неизменными прежние обычаи. Со временем стали заметны некоторые различия в традиционной культуре старообрядцев и окружающего населения, не придерживавшегося «старой веры». Эти различия появились главным образом в результате сохранения в консервативном старообрядческом быту традиций, уже полностью или в значительной мере утраченных основной частью русского народа. И в наше время потомки старообрядцев, проживающие довольно компактно в ряде регионов страны (Бурятия, Алтай, Тува, север Европейской части России, Урал, Горьковский Заволжье, Украина, Молдавия и т. д.), сохраняют заметное своеобразие в бытовых традициях.

Старообрядчество (автор четко отличает это понятие от термина «раскол» — см. с. 8—9) с момента возникновения имело множество различных течений или «вер», порой весьма далеких от православия. В связи с этим В. Ф. Миловидов справедливо отмечает: «Старообрядчество в целом представляет собой религиозное направление, которое, с одной стороны, смыкается с православием, а с другой — в лице некоторых течений беспоповщины — имеет точки соприкосновения с сектантством» (с. 19—20). В частности, беспоповские толки, как и сектантские общины, характеризуются значительной ролью мирян в церковной организации (с. 21—22). Пестрота старообрядческих общин сохранилась и в наши дни. Современные процессы, происходящие в старообрядчестве, представляют большой интерес как для этнографов, так и для историков, филологов, социологов, религиоведов — всех, кто изучает современное состояние религии в СССР, так как кризис «старой веры» отличается рядом специфических особенностей.

Еще в середине XIX в. благодаря обособленному образу жизни староверов имелись предпосылки для превращения многих крупных групп старообрядцев в этноконфессиональные общности даже в пределах России, в среде русского населения. Однако этого не произошло. Напротив, к концу XIX в. стали отчетливо проявляться признаки процесса угасания старообрядчества. После Великой Октябрьской социалистической революции этот процесс еще более активизировался. Возникает вопрос: почему старообрядчество — крупнейшее в истории России религиозно-общественное движение — оказалось менее устойчивым в условиях социалистического строя, чем русская православная церковь? Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать в истории старообрядческого движения, в его социальной сущности, в особенностях вероучения и религиозной практики самих староверов, в специфике их семейного уклада и быта.

Без исторического анализа вряд ли возможно понять и правильно охарактеризовать современное состояние старообрядчества. Именно такой исторический подход характерен для рецензируемой монографии, написанной известным исследователем старообрядчества В. Ф. Миловидовым. Она продолжает и дополняет его предыдущую книгу — «Старообрядчество в прошлом и настоящем» (М., «Мысль», 1969).

Серьезное изучение современного старообрядчества без этнографических изыска-ний, без конкретно-социологических исследований нереально. К настоящему времени накоплен и частично опубликован значительный этнографический и социологический материал, характеризующий верования и быт старообрядцев в различных регионах на-